

К Р О К О Д И Л

«Мы стоим перед крутым подъемом. Длительная война потребует от нас еще много жертв и напряжения».

(Из немецкой газеты «Дас рейх»).

Рис. Л. Бродского

НА КРУТОМ ПОДЪЕМЕ

— Придется, видимо, содрать еще одну шкуру с лошади. Может быть, тогда ей легче будет.

Рис. А. Каневского

Гитлеровцы.

Гитлер ОВЦЫ.

✓ Футбол во время чумы

ЧЕГО не хватает сейчас Германии? Ответить на этот вопрос очень трудно. Пришлось бы привести огромный перечень всякой всячины.

А вот футбол? Можно ли сказать, что немецкому народу, изнывающему от тяжести войны, не хватает сейчас футбольных мячей? Прямо скажем: мы в этом сильно сомневаемся. Конечно, футбол — это вещь интересная, что говорить, но как-то сейчас в Германии проблема футбола — не самая актуальная проблема. Есть о чем подумать немцам и кроме футбола. Но Гитлеру и его шайке требуется создать видимость нормальной жизни в Германии, а так как наглости Гитлеру и его сообщникам не занимать, то они и пытаются плясать на похоронах, делая вид, что пляшут не у гроба покойника, а на веселой вечеринке.

Действительно, что может быть прелестнее футбола? По полю бегают люди в разноцветных майках, катается мяч. Превосходная картина!

И футбольный матч состоялся. И не где-нибудь, а в самом Берлине. И мало того: были приглашены шведские футболисты в Берлин на соревнование с немецкими.

На этом футбольном поле все обстояло так, как будто бы вокруг не просиралась пустыня войны, а, наоборот, райскими голосами пели птички. Правда, вдов и сирот убитых на Восточном фронте германских солдат — тех, кто составляет основное население города Берлина, — вряд ли остро интересовал исход футбольного соревнования, тем более что на голодный желудок вопросы спорта не кажутся самыми важными. Но германское правительство сделало вид, что оно этого не замечало.

Правда, кое-что Гитлер не учел. А именно то, что футбол по самой сути своей вкорме отличается от лежания на койке. Голодный человек лежит себе на койке и лежит и тихонечко помирает, а футболисту, наоборот, надо бегать.

Конечно, положение зрителей проще, чем футболистов, но все же на голодный желудок как-то хуже воспринимаются подробности боя на футбольном поле. Вот сытые штурмовики — те искренно наслаждались футбольным соревнованием и смеялись, как дети, когда мяч проскакивал между ног футболистов. Штурмовики подозрительно оглядывали соседей:

— Эй, ты! Ты чего не смеешься?

— Нет, я смеюсь, господин штурмовик. Я только очень тихо смеюсь, и вам не слышно.

— Боюсь, ой, боюсь, что тебе не смешно то, что мяч сейчас проскакивал над самой головой этого долговязого шведа, а он хотел схватить его рукой!

— Что вы, мне очень смешно, господин штурмовик! У меня сегодня как раз прекрасное настроение. Мне сегодня как раз удалось сделаться единственным наследником моего отца, так как сегодня пришло известие о том, что оба моих брата убиты под Сталинградом.

— Ну, вот видишь. А отец твой что, состоятельный человек?

— До войны ничего, был состоятельный.

— А во время войны?

— А во время войны трудно было в этом разобратся, господин штурмовик, так как отца убили в Польше. Господин штурмовик, вы не протянете ли мне руку?

— Это зачем?

— Я обопрусь на нее. Я три дня уже ничего не ел и, какжется, помираю. А мне очень хочется дожить до конца первого хавтайма

и выяснить, как сложится обстановка на футбольном поле. Это меня очень интересует.

— Ну, ну, не надо падать духом! Может быть, ты доживешь и что-то другого хавтайма.

— Вот это вряд ли, господин штурмовик. У меня уже все поплыло перед глазами. Умираю... Ах, если бы я мог унести с собой в могилу результаты первого хавтайма!

На футбольном поле тоже было не весело. Немецкие футболисты, конечно, бежали, но бежали неважно. И шведы выиграли матч.

Каждый раз, когда преимущество переходило к шведам, среди зрителей раздавались возгласы:

— Им-то, шведам, бегать легче: они едят лучше нас. Эх, дали бы нашему Фрицу Гурберту большой кусок хлеба — он бы им указал, шведам!

— Сказал поже! Если бы мне дали большой кусок хлеба, я на что уж не футболист — я сам бы сейчас забил гол. Шутка ли — большой кусок хлеба!

— Смотрите, вот тот из нашей команды, длиннорукий, упал.

— Сейчас встанет.

— Вряд ли.

— Почему?

— И даже больше скажу: никогда он уже сам не встанет. Еще одна вдова в городе Берлине.

Да, футбол во время чумы — зрелище не веселое. И сколько бы ни старались Гитлер и его шайка сделать вид, что никакой чумы нет, ничего у них не получится. Германия на четвертом году войны не до футбола. На похоронах не следует плясать фокстроты. Все равно никто не поверит, что пляшущим весело. Будет только жалкое и страшное зрелище.

К. ФИНН

ТРЕЗВЫЙ ВЗГЛЯД

После налетов советских самолетов на немецкие города на стенах разрушенных зданий нередко появляются надписи: «Благодарим фюрера... Это он сделал».

Рис. В. Горяева

— Еще несколько налетов — и в городе не останется ни одного неблагодарного жителя.

Цена головы ✓

Отряд партизана
Кудели Ивана
Удар за ударом,
Наносит врагам —
Нет хода обозам,
Пути паровозам,
Взлетают вагоны,
Мосты — к облакам.

Но вот из Берлина
К лесам и долинам,
Где немцев Куделя
И бьет и громит,
Ждут важного фрица —
Барона фон Шприца
(Гестаповской школы
Сановный бандит).

Каратель привычный,
Он знает отлично,
Что там, где ни пытка,
Ни танк не берет,
Там подкуп согдится,
Не надо скупиться —
И дело продвинется
Быстро вперед.

Явился. И сразу
Развесил приказы
С вороною черной
На белых листках:
«Конец партизанам!..
Плачу чистоганом
5 тысяч за голову
Их вожака!»

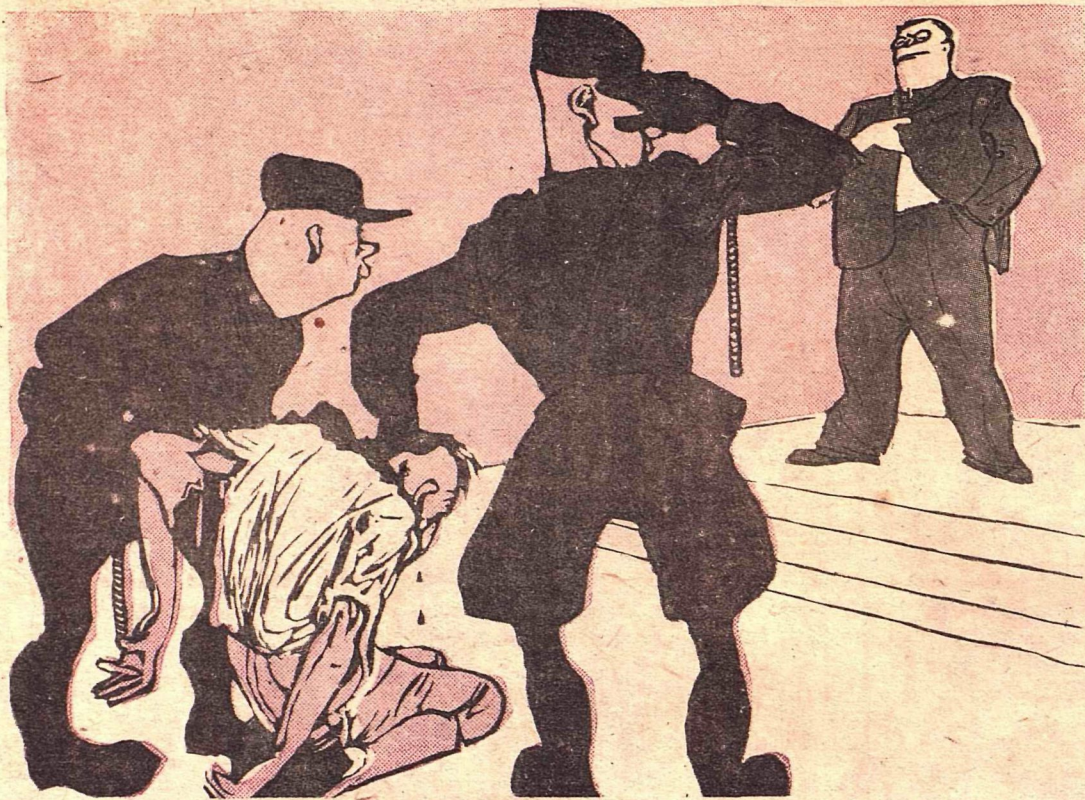
Проходит неделя...
Воюет Куделя!
Фашистов попрежнему
Бьет он и бьет!
Опять по селеньям
Висят объявления:
Уже 20 тысяч
Каратель дает!

Проходит неделя...
Воюет Куделя!
Конфуз для гестаповца
Очень велик!
Опять по селеньям
Висят объявления:
100 тысяч фон Шприц
За Ивана сулит!

Проходит неделя...
Воюет Куделя,
Попрежнему ловок,
И грозен, и лих!
Опять по селеньям
Висят объявления...
Но что это?
Красные звезды на них!

И твердой рукою
Строка за строкою
На каждом листочке
Приказ партизан:
«...За голову фрица
Барона фон Шприца
Не дам ни копейки!
Куделя Иван».

Н. КОЛЕСНИКОВ.

— Все в порядке, господин Квислинг! Олафа Онсена мы восстановили в партии.

Приказ полковника Бодеску ✓

ПОЛКОВНИК Бодеску—очень догадливый человек

Это он, полковник Бодеску, он, а не кто-либо другой, догадался, что после осени наступает зима.

Догадливость полковника этим не ограничилась. Он даже предвидел, что зимой в России падает снег. И что русский снег совершенно не похож на подогретую мамалыгу. И что кроме того зимой в России имеют обыкновение дуть очень холодные, неприятные ветры.

Да что там ветры! Русская зима имеет прескверную привычку прогуливаться вдвоем со свирепым Дедом-морозом.

Все это предусмотрел умный полковник. Честь и слава начальнику штаба 2-й румынской горной дивизии полковнику Бодеску!

Взвесив и обдумав то обстоятельство, что на смену осенним дождям придут зимние вьюги, храбрый полковник мужественно сел к столу, опасно обмякнув перо в чернилах и, не щадя сил своих, сочинил приказ № 160450.

В этом кратком, но интересном и многоо-держательном сочинении начальник штаба 2-й горной дивизии в первых же строках постарался обрадовать своих солдат следующим веселым сообщением:

«С приближением зимы все более тревожно встает вопрос об обмундировании».

Прочитав эти бодрые строки приказа, румынские солдаты должны пуститься плясать. Но не сейчас, пока еще рано. Позже, когда ударят морозы. Тогда они будут плясать, не попадая зуб на зуб, плясать и вспоминать предусмотрительного полковника Бодеску.

Конечно, плясать будут, но не все. Не надо преувеличивать. Ведь до зимы многие румынские солдаты, следуя примеру своих товарищей... (Да что там долго говорить, сами понимаете: мертвецы не танцуют.)

Но вернемся к приказу полковника Бодеску. В этом приказе одни бодрые строчки сменяются другими:

«Так как государство не может нам больше высылать обмундирование, мы должны предпринять все, что в наших силах, для поддержания и починки имеющегося».

Вот как! Спасибо, полковник, за такую откровенность. Это же прямой выпад против правительства. Это же пощечина господину

Антонеску. Простого румына за такие слова пригласили бы на дружеское мордобитие в сигуранцу. «Государство не может...» Что же это за государство такое, которое не может одеть и обувь своих солдат?

Полковник Бодеску не сказал всего до конца. Если бы он хотел быть совершенно откровенным, он сказал бы, что усиленными стараниями гитлеровского хохлуя Антонеску Румыния доведена до крайней нищеты, что вся одежда и обувь в стране пошла немцам. Вот почему «государство не может...» И вот почему румынский солдат обязан ходить оборванным, обшарпанным, похожим на огородное чучело. И вот почему он будет замерзать зимой среди беспощадных снегов России.

Но все эти Антонеску и Бодеску смотрят на это дело весьма благоразумно:

— Все равно нашим солдатам придется погибать в России во славу Гитлера. А русская пуля не разбирает, кто из румын в шинели, а кто голый, кто в ботинках, а кто босой. На том свете наши солдатики отогреются. Там тепло. Там уж много наших.

«А пока солдат жив, надо все же принять кое-какие меры:

«Необходимо снимать обувь с убитых... Приступить к изготовлению лаптей».

Солдаты в лаптях—это очень даже красиво. Лапти—это государство может. Сапоги или ботинки—«государство не может». Сапоги и ботинки отданы немцу. А румынский солдат может щеголять в лаптях.

Но не надо отчаиваться. Будут и сапоги. Ведь Бодеску приказал «снимать обувь с убитых». А убитые будут, можете не волноваться,—румынские солдаты. Это дело хорошо поставлено на русском фронте. Каждый день тысячи убитых румынских солдат. Каждый день тысячи пар сапог.

Интенданты полковника Бодеску будут вне себя от радости...

— Сегодня нам здорово повезло. В третьем батальоне такие потери, такие потери! Прекрасно ложились русские мины. От всего батальона осталось в живых только двадцать человек. Вот замечательно! Сколько сапог!

Словом, румынским солдатам будет тепло. Даже жарко будет!

Г. РЫКЛИН

Метким

(По страницам красн...

КРУПНАЯ УДАЧА

— Можешь меня поздравить, Густав. В сегодняшнем воздушном бою мне чертовски повезло.

— Очень рад твоему успеху, Фриц. Ты что, сбил несколько русских самолетов?

— Да нет. Просто из тридцати машин, принимавших участие в вылете, вернулась на базу только одна моя.

(«Тревога»)

ЕДИНОМЫСЛЯЩИЕ

ГАНС:—Когда ты смотришь на портрет фюрера, у тебя возникают какие-нибудь мысли?

ФРИЦ:—И даже очень гениальные.

ГАНС:—Посвяти меня, пожалуйста, в них.

ФРИЦ:—Неужели ты хочешь, чтобы меня расстреляли?

ГАНС:—Конечно, нет. Я сам при первой возможности сдамся русским...

(«Фронтанк»)

РАПОРТ ФЮРЕРУ

— Разрешите доложить, фюрер: в Югославии партизаны убили нашего солдата...

— Пустяки.

— Солдат охранял казарму, которую они пустили на воздух вместе с нашим батальоном.

— Невелика беда.

— Я не все сказал. Погибший батальон следил за порядком в городе, население которого восстало и перешло на сторону партизан.

— Гм... Это еще не так страшно.

— Я не все сказал. Узнав об этом, население шести других городов перебило наши гарнизоны и присоединилось к партизанам...

— Чорт возьми, ты бы с этого начал!

— Я не мог начинать с этого, так как есть дела поважнее. Вся Босния, половина Герцеговины, часть далматинского побережья,

Рис. Бор. Ефимова

Последнее сло...

Ударом

Красноармейской печати)

некоторые порты и районы уже в руках партизан. Идут ожесточенные бои. Сильно пострадала дивизия вашего имени.

— Как вы допустили?! Сколько людей уцелело из этой дивизии?

— Уцелел я один.
(«Боевая красноармейская»)

ТОЧНЫЕ ДАННЫЕ

На уроке географии в финской школе учитель задал вопрос ученику:

— Скажите, как будет велика наша будущая «Великая Финляндия»?

— Один метр и сорок пять сантиметров, — быстро ответил ученик.

— Как так?!

— Рост моего папаша — один метр шестьдесят пять сантиметров. А он всегда говорит, что ему эта будущая «Великая Финляндия» по горло.

(Фронтовой журнал «Сквозняк»)

НАДЕЖНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

— Обер-лейтенант Пупкин! Вы знаете путь следования вашего батальона?

— Даже очень хорошо, господин полковник! Сначала мы пойдем мимо того места, где русская артиллерия уничтожила нашу первую роту, потом миновем овраг с шестью братскими могилами солдат четвертого завода второй роты, а на развилке дорог стоит наша разбитая штабная машина!

(«Советский гвардеец»)

ВЫТЕКЛА

ОФИЦЕР! — Солдаты! В вас течет арийская кровь, и поэтому мы непобедимы.

РАНЕННЫЙ ФРИЦ: — Да, но она у меня почти уже не течет.

ОФИЦЕР: — Что такое?

РАНЕННЫЙ ФРИЦ: — Она уже почти вся вытекла под Ржевом.

(«На боевом посту»)

Критские партизаны совершили налет на помещене, где заседал германский военный трибунал. Партизаны взяли в плен большую группу немецких военнопленных.

подсудимых.

вничью

Рис. Б. Фридкина

— Вчера мы столкнулись с отрядом партизан, господин обер-лейтенант! Нас было пятьсот, а их пятьдесят. Однако бой окончился вничью: их осталось пятьдесят и нас пятьдесят.

Три дня, которые потрясли Бочкина

МОДЕСТА Бочкина я знаю давно, чуть ли не с 12 апреля 1933 года.

Уже в то время Модест был растущий, энергичный организатор, перед которым открывались самые радужные перспективы. Тогда он занимал скромную должность освобожденного секретаря завкома, но никто не сомневался, что Бочкин далеко пойдет.

Спустя полтора года после нашего знакомства Модест пережил два серьезных потрясения, связанных с заводской столовой и оставивших след на всю его жизнь. В связи с обнаруженной на кухне антисанитарией ему довелось выступить в качестве общественного обвинителя по делу заведующего столовой. А в связи с очередями в этой же точке общественного питания он по своей личной инициативе разработал новый, совершенно оригинальный способ размещения столов в обеденном зале. С того времени Бочкин неожиданно обнаружил в себе долго таившиеся в глубине его натуры таланты оратора и новатора — и безмятежному существованию его пришел конец.

За краткостью времени мы опускаем интересные подробности биографии нашего героя, все эти годы продолжавшего, не покладая рук, совершенствовать свои столь успешно раскрытые способности. Мы попросим читателя вместе с нами перенестись в обстановку сентябрьских дней 1942 года, застающих Модеста Бочкина на посту заведующего планово-экономическим отделом того же энского завода, где на заре своей юности он работал в качестве профсоюзного деятеля.

25 сентября завод выполнил месячную программу, и в этот же день ему поручили важный заказ, на который был дан пятидневный срок. Это была трудная задача, ибо в цехах не хватало квалифицированных слесарей и специального оборудования. Серьезность положения сознавал весь коллектив, начиная от директора и кончая подсобными рабочими.

Сильно озабочен был и Модест. На совещании в заводоуправлении он выступил со страстной, зажигательной речью, в которой призывал не пугаться трудностей, а смело и настойчиво преодолевать их. К глубокому сожалению, мы лишены возможности подробно изложить всю речь Бочкина, так как нетерпеливый директор, ссылаясь на недостаток времени, почему-то прервал его. Но все же Бочкину удалось заверить присутствующих, что он берет на себя обязательство в кратчайший срок представить тщательно разработанный план, который поможет заводу с честью спра-

виться с порученным ему сверхплановым заданием.

Хорошо зная твердый характер Бочкина, я ни на минуту не сомневался, что он свое обязательство не только выполнит, но и перевыполнит. И, действительно, как потом стало известно, Модест сразу же после совещания у директора заперся в кабинете и засел за работу.

Он подготовил для райкома партии пронизанную сотнями фактов докладную записку, в которой обосновал необходимость срочной переброски с соседнего завода 37 слесарей разных разрядов. Он в энергичных выражениях написал телеграмму в трест, в которой наглядно доказал, что в военное время нельзя бояться трудностей, а потому необходимо срочно, на самолете, прислать из областного центра хотя бы десять станков. Он продиктовал машинистке подвальную статью для газеты, и статья эта была настолько эмоциональна, что машинистка несколько раз прикладывала платок к глазам, не в силах сдержать охватившее ее волнение.

Не довольствуясь проделанной огромной работой, Бочкин набросал проект листовок, которые в тысячах экземпляров должны были быть разбросаны в цехах. Почувствовав в себе вдруг дар художника, он нарисовал около десятка плакатов, в которых клеймил отстающих, призывал укреплять трудовую дисциплину, равняться по передовикам, бороться за перевыполнение программы.

С 5 часов вечера 25 сентября до 11 часов ночи 28 сентября, не выходя из кабинета и на ходу принимая пищу, напряженно трудился Модест Бочкин. Я был свидетелем неповторимой минуты, когда, похуевший и осунувшийся за три дня непрерывной работы, он вышел из своей комнаты и направился с готовым планом к директору. Я хотел сказать ему много почувствованных слов, но от умиления не в состоянии был говорить и лишь молча пожал его напряженную руку. Бочкин благодарно улыбнулся мне и вошел в директорский кабинет.

Я остался в приемной, дожидаясь его выхода. Раздался телефонный звонок. Звонили из райкома партии. Секретарша директора взяла трубку, справилась, кто говорит, и спокойным голосом ответила, что ровно час назад важный заказ выполнен досрочно.

...В дверях показалась фигура Модеста Бочкина. Автор этих строк очень смешлив и, чтобы не обидеть новатора, он поспешил скрыться.

И. ВЕРХОВЦЕВ

Д И С Ц И П Л И Н А

— Решетникова не знаете?.. Андрея Васильевича?.. Ну, так вот он у нас за секретаря сейчас. В райкоме партии. А до него у нас за секретаря был Гудеев, Илья Макарыч. Конечно, плохого про него ничего не скажу, про Гудеева-то. Заботливый был, тревожный. За лето, бывало, раз сто в наш колхоз придет. И все порохится, порохится и по полю бегом бежит. Он, небось, за день-то колхозов сорок обскочит, и ему некогда подолгу в одном месте сидеть. Он и ко мне в звено заскакивал и все мою фамилию никак припомнить не мог: то Сусликовой меня называл, то Рычалкиной... Он, бывало, за день-то через два или через три сотни звеньев пробежит, и в голове у него уже все путается. Но как он ни старался, как ни превозмужился, а дела в нашем районе все промели да хромели и до того дошло, что с хлебозаготовками мы чуть не до весеннего сева возились. Ну, область глядела, глядела—да по шапке его, Гудеева-то: дескать, скакать не надо, а воспитание людям давать надо. И приехал к нам вот товарищ Решетников, Андрей Васильевич. Приехал, прожил будто совсем немножко, а глядим, уже все у нас зашпало. И вроде воздух совсем другой стал. Мы сперва даже удивлялись: приедет он, Решетников-то, в колхоз и живет иной раз два дня, а то и три, и во все-то вникает, во все выкрывает, и уж чуть не про каждого знает: кто он, какой он работник, какая и на что у него способность. А уж если облюбовал человека на ответственное какое-нибудь место, на председателя или бригадира, то раз десять к нему для переговоров заедет и даже ночевать у него останется: все учит его, дух в нем поднимает... Ух, он любитель насчет воспитания, товарищ Решетников!.. Этой весной работу на поле, гляжу: идет он с Максимовой, нашим председателем. Прямо ко мне: «Так и так, Аниэся Прохоровна, пора тебе за бригаду взяться. Вот у нас четвертая бригада прихрамывает, надо ее подлечить...» А я: «Нет, вы уж меня не трогайте. Я свое звено веду, со звеном своим сроднилась, а в бригаду не пойду: я для этого малограмотная, и у меня характер слабый...» А характер у меня и вправду слабый: я не могу строгость показывать... А четвертая бригада у нас расстрепанная, самая что ни на есть отсталая: там и дармоеды есть, и шустоболты, и всякие. Их уговором да лаской не возьмешь. К ним с суровостью надо подойти. А я на это неспособная: у меня характер смешливый, веселый.

Говорит Решетников-то: «Нет, нет, Аниэся Прохоровна, характер у тебя замечательный. Ты даже сама не знаешь, какой у тебя характер замечательный. Вот мы с Максимовой вечером к тебе зайдём, и я тебе расскажу, какой у тебя характер и какие большие дела ты можешь сделать в четвертой бригаде...»

Вечером пришли они. Я самовар вскипятитла. Пьем это мы чай, а Решетников-то глядит на Максимовну и про меня ей рассказывает: какие у меня способности, и какие слабости, и какую сказку сказочную я могу сделать в четвертой бригаде, если возьмусь за нее как следует быть. И так это он вкayne рассказывает, что прямо диву даюсь: откуда он про меня столько знает?

Потом стал говорить про четвертую бригаду: дескать, убеждение, душевные политические разговоры—это самое необходимое дело, но этого мало: есть такие люди, которых разговорами да уговорами не проймешь. Вот в этой четвертой бригаде есть Марфа Тучкина, так сколько ее ни уговаривай, как с ней ни беседуй, она все равно по-честному работать не станет. Тут уж надо принуждение...

И стал он говорить про то, какую большую важность имеет в колхозе или в бригаде проверка исполнения... Слушаю его и опять диву даюсь: бывало, как услышу эти слова: «проверка исполнения» и другое подобное, то меня ко сну качает, а теперь все мне яс-

ненько, ладненько и все так аккуратно в голову ложится.

Говорю ему: «Ладно, товарищ Решетников, возьму я эту бригаду».

А через два денечка он опять ко мне приехал, через недельку опять: «Ну, как?.. Ну, что?.. В чем у тебя трудности?..»

И все внушает: «Надо перестроить бригаду на военный лад. Главное—дисциплина. Как у тебя Марфа Тучкина? Как Дарья Куроедова?..»

А Тучкина, Куроедова и еще две сестры Комаровы—бабы румяные, здоровущие, от них прямо пар идет, но к работе неохотные—все норовят схитрить, обмануть... Я их позвала, усадила, говорю: «Ну, так вот, желанные вы мои, давайте ото всего сердца побеседуем. Парни наши и мужики на великой страде, давайте помогать им как следует быть». Целый час с ними так говорила и прямо всю кровь, все сердце я в эти слова положила... Гляжу: Марфа Тучкина заморгала-заморгала, платочек к глазам приложила; Куроедова Дарья тоже вздыхает, колтыкается... «Ну,—думаю,—слава тебе, господи, приняла я их своими словами!» А вечером спрашиваю Матрешу Рыданову, звеньевую: «Как

они у тебя нынче работали?» А Матреша: «Убери ты их от меня (за ради бога. Не работают они, а кровь мне портят: за весь день только по пяти снопов связали)... На другой день опять такая же картина. Говорю Матреше: «Напиши мне на бумажке, как работает Марфа Тучкина». Она написала. К этому я дала справку, что Тучкина минимумом трудодней не выработала и ее надо судить. Максимовна мою эту справку подписала. Собрала всех хороших своих людей, актив свой, и они тоже подписали. И поехала я с бумажками к прокурору: «Так и так, проверка исполнения показывает, что Марфа Тучкина советский закон не соблюла. Придется ее судить. И давай, товарищ прокурор, судить ее не в городе, а у нас в бригаде, посреди поля. Мы там стол поставим, скамью, все как следует быть...»

И вот в ту пятницу, приехал к нам в поле суд. Собралась вся бригада. Ну, вопрос, конечно, ясный: время военное, мужья наши, сыновья, внуки бьются день и ночь, а Тучкина даже легкого закона не соблюла. Засудили ее. Засудили, приговор прочитали, народ в ладошки захлопал, а Матвей Пребешков, самый старый наш старик, говорит:

— Товарищи судьи, дайте мне речь сказать.

— Ну, говори...

Пребешков встал на скамью и так сказал:

— Вот теперь, бабы, и примечайте, куда чайки летят. Нынче мы Тучкину засудили, а завтра и Куроедову Дарью и Комарову Пелагею за воронничок возьмем.

Тут как Куроедова вскинется, побегреле-ла вся.

— Нет,—кричит,—я у Батуриной (это она про меня), я у Батуриной на агитации была, и она мне все объяснила, и я свой долг перед бойцами даже очень понимаю и буду сейчас каждый день давать рекорд.

Суд-то был в ту пятницу,—стало быть, всего только шесть суток назад; так вот за эти шесть суток она, Куроедова-то, двадцать трудодней отработала. Действительно что рекорд. А сестры Комаровы только немножко от нее отстали. Как леопарды на работу бросились. Вот какие, дорогие товарищи, у нас сейчас дела...

А. КОЛОСОВ

Счастливчик

«Я снова получил ранение и очень рад, что так счастливо отделался».

(Из письма, найденного у убитого немецкого офицера.)

Им фюрер обещал златые горы,
Слил он реки, полные вина,
Горами трупов стали сами горы,
И в реках крови их не видно дна!

Снарядом фрицу опорвало ногу,
И фриц запрыгал на одной ноге.
Не «боже!» он кричит, а «славу богу»,
Скорбит он лишь о новом сапге.

О, как он рад! Какой счастливый номер
Он вытянул а отчаянной игре!
Он будет жить! Он будет! Он не помер,
Как этот в яме, этот на бугре.

Нет, фрицу не до жиру, быть бы живу!
Не ноги, так хоть ногу унести!
Не знает он, как прочую поживу,
А землю тут легко приобрести.

А. РАСКИН

Рис. Г. Валька

Жизненный путь одного арийского чемодана.

Зарубежный юмор

ПИСЬМО ОТ ГЕССА

Гессу удалось переправить письмо родным в Германию. Он писал, что с ним обращаются вежливо и кормят хорошо. Письмо попало в руки Гитлеру. Возмущенный фюрер собрал нацистских главарей и, прочтя им письмо, разразился негодующей речью об английских плутократах, которые пытаются подорвать житейскими благами дух такого спартанца, как Гесс.

«ЗДЕСЬ НЕТ НИЧЕГО СЪЕСТНОГО»

В затменном Париже проголодавшийся француз подъял на велосипедном рикше к ресторану, в котором раньше никогда не бывал. Швейцар в полуосвещенном вестибюле попросил его предъявить удостоверение личности.

— Вот оно, пожалуйста, хотя я не понимаю, при чем здесь удостоверение личности, если все, чего я хочу, — это получить что-нибудь съестное на ужин.

— Съестное, мсье? — удивился швейцар. — Здесь не может быть ничего съестного. Это департамент продовольственного снабжения. Вы ошиблись домом.

(«Коллиерс»)

НАПОЛЕОН ОБ ИТАЛИИ

«Если вы воюете с Италией, вам достаточно одной — двух дивизий, чтобы справиться с ней. Если она нейтральна, пошлите одну — две дивизии присматривать за ней. Но если она ваш союзник, вам понадобится десять дивизий, чтобы выручить ее».

(«Уорлд ревью»)

ЧТО ПРИНОСИТ АИСТ

Десятками способов обходя рогатки фашистской цензуры, находчивые голландские патриоты присылают о себе вести зарубежным соотечественникам, разоблачают лживую пропаганду Геббельса и голландских квислингов.

В Голландии много аистов. На зиму они улетают за 7000 километров, в Южную Африку, где живут буры, выходцы из Голландии, братья голландцам по крови.

Недавно на одной ферме вблизи Иоган-

несбурга (Южноафриканский Союз) буры нашли на аистах такие послания:

«Мы, жители (следует название деревушки), сообщаем вам: жизнь при гитлеровской оккупации — сплошной ад».

«Голландцам несладко под фашистским ярмом, но мы не сдадимся!»

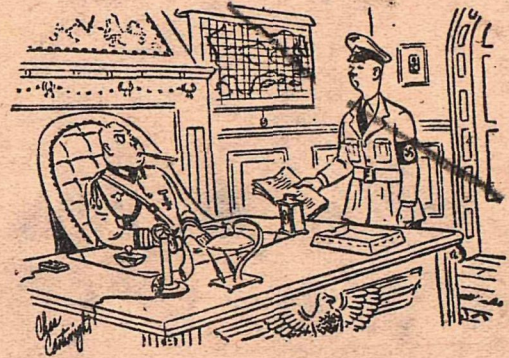
(«Зио уик»)

КОМУ ХУЖЕ

Итальянец и француз беседуют об участи своих народов.

— Боши терзают мою родину, — жалуется француз.

НЕМЕЦКАЯ АКУРАТНОСТЬ

— Будьте добры, герр Швиммель, подпишите эти сводки на первую половину следующего месяца.

(«Уорлд ревью»)

— Вам грех жадоваться: у вас ведь осталась неоккупированная территория, — вздыхает итальянец.

(«Вер ля Авенир»)

При фашистской партии существует организация «Сила в радости», цель которой, как заявляют гитлеровцы, создавать радостное настроение среди немецкого народа.

Сила в радости.

(«Уорлд ревью»)

Едва он кончил, большинство присутствующих вскочило с мест и устремилось к дверям.

— Вы куда? — крикнул Гитлер.

— Спасать Гесса, — ответили они, облизываясь.

(«Уорлд ревью»)

МЕТАМОРФОЗЫ ФАШИСТСКОГО ЛЕТЧИКА

Туда — львом, обратно — зайцем.

(«Ньюс мейсес»)

Мечта сумасшедшего.

(«Уорлд ревью»)

Плотина трещит по всем швам.

(«Ньюс мейсес»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. в 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 800

Подп. к печати 6/X 1942 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А61663.

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Зак. 2687.

Тираж 200 000 экз.

920

Рис. Ю. Ганфа

ОБЯЗАТ. ЭКЗ. НЕДОУМЕНИЕ ЗАВКОМОВЦА

V 2430 -

19 ОКТ 1942

Всес. Ин. Палат. Получен
в архив

Получ.

в архив

— Объявили кампанию за режим экономии, а не сообщили — декадник это или месячник?